

- [Роберт ГОВАРД](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Роберт ГОВАРД ЧЕРНЫЙ КОЛОСС

«Ночь Власти, когда Судьба шла по коридорам мира, словно колосс, восставший с многовекового каменного трона...»

Э.Хофман Прайс «Девушка из Самарканда»

Интерес Руфии продлился столько, насколько хватило добычи, привезенной Конаном из Асгалуна. Он распрощался с ней и поступил на службу к Амальрику Немедийскому, наемному генералу королевы-регентши Ясмелы, правительницы небольшого пограничного королевства Хорайя. Там Конан вскоре дослужился до капитанского чина. Брат Ясмелы, король Хорайи, находится в плену в Офире, а его королевство подвергается нападению сил кочевников, которых собрал под своим началом таинственный Колдун в Маске, именуемый Нэток.

Ничто не нарушало многовековой тишины, нависшей над таинственными руинами Кутшема, и все же здесь присутствовал Страх. Страх владел душой вора по имени Шеватас, заставляя его дышать тяжело и неровно сквозь стиснутые зубы.

Он стоял один — крошечная искра жизни, затерявшаяся среди колоссальных монументов, покинутых и медленно разрушающихся. Никого вокруг. Даже в синем просторе неба не парил ни один стервятник, высматривая добычу. Нещадно палило солнце. Со всех сторон возвышались угрюмые реликты иных, забытых времен: огромные разбитые колонны, устремляющие зазубренные верхушки к небесам; упавшие каменные блоки циклопических размеров; полуразрушенные стены с остатками изображений, чьи жуткие очертания были наполовину стерты песчаными бурями. До самого горизонта — ни признака жизни, только бескрайняя и бесплодная пустыня, от вида которой перехватывало дыхание, пересекаемая сухим руслом давно исчезнувшей реки. И посреди этого простора — сверкающие клыки руин, колонны, напоминающие сломанные мачты затонувших кораблей, и возвышающийся надо всем железный купол, перед которым в страхе замер Шеватас.

Основанием куполу служил гигантский пьедестал из мрамора. Он венчал собой то, что раньше было изрезанным террасами возвышением на берегу древней реки. Широкие ступени вели к огромной бронзовой двери в купола, который лежал на своем основании подобно половинке яйца невероятных размеров. Сам купол был из чистого железа, которое сверкало так, словно неведомые руки постоянно полировали его, поддерживая блеск. Точно так же сверкали золотой шпиль на верхушке купола и надпись, состоящая из золотых иероглифов в несколько ярдов высотой каждый, которая тянулась по кругу, огибая купол. Ни один человек на земле не мог прочесть эти знаки, но Шеватас задрожал от смутных догадок, которые они у него вызывали. Ибо он происходил из очень древней расы, чьи мифы уходили вглубь веков, к событиям и образам, неведомым теперешним народам.

Шеватас был выносливым, жилистым и гибким, что неудивительно для главного вора Заморы. Его небольшая голова была гладко выбрита. Единственной одеждой ему служила набедренная повязка из алого шелка. Как все люди его расы, он был очень темнокожим, а на его узком ястребином лице выделялись умные черные глаза. Его длинные тонкие пальцы двигались быстро и нервно, как крылья мотылька. С отделанного золотом пояса вора свисал короткий узкий меч с украшенной драгоценными камнями рукоятью, в кожаных ножнах с орнаментом. Шеватас обращался с оружием преувеличенно осторожно. Он даже старался избежать прикосновения ножен к своему нагому бедру. Его осторожность имела весьма веские причины.

Шеватас был воров из воров, королем воров, и имя его произносили с благоговейным трепетом в зланных местах Маула и в темных тайниках под храмами Бела, а песни и легенды о нем переживут века. Но сейчас, когда Шеватас стоял перед железным куполом Кутшема, душу его пожирал страх. Любому профану было бы видно, что в сооружении есть нечто сверхъестественное. Его жгло солнце и хлестали ветра трех тысячелетий, и все же золото и железо купола сверкали так же ярко, как в тот день, когда его воздвигли безымянные создатели на берегу безымянной реки.

Эта сверхъестественность вполне соответствовала общему впечатлению от руин. Казалось, здесь обитают злые духи. Пустыня, посреди которой находились руины, представляла собой загадочную неисследованную область к юго-востоку от Шема. Шеватас знал: несколько дней пути на верблюде назад, на юго-запад, и путник увидит великую реку Стикс в том месте, где она

поворачивает под прямым углом к своему прежнему направлению и несет свои воды на запад, к далекому морю. У изгиба реки начинаются земли Стигии, темногрудой владычицы Юга. Эта богатая страна раскинулась на южном берегу великой реки, а за пределами ее тянулись пустыни.

Далее на восток, знал Шеватас, пустыня постепенно переходит в степи, за которыми лежит гирканское царство Туран, раскинувшееся в блеске варварского великолепия на берегах великого внутреннего моря. Неделя верхового пути на север, пустыня кончается, и начинается нагромождение лишенных растительности холмов, а еще дальше — плодородные горные земли Косса, самого южного из королевств, населенных гиборейцами. На западе пустыня переходит в луга Шема, которые тянутся до самого океана.

Все это Шеватас знал бессознательно, как человек знает улицы родного города. Он много путешествовал, и добычей его были сокровища многих королевств. Но теперь он замер в нерешительности на пороге самого потрясающего из своих приключений и самого огромного из сокровищ, которое ожидало его.

В этом железном куполе лежал прах Тугра Хотана, черного мага, который правил Кутшемом три тысячи лет назад, в те времена, когда королевства Стигия и Ахерон простирались к северу от великой реки, захватывая луга Шема и горные области. Затем гиборейцы, расселяясь из колыбели своей расы близ северного полюса, устремились на юг. Это было не имеющее равных переселение, которое длилось века и тысячелетия. Но во время правления Тугра Хотана, последнего из магов Кутшема, сероглазые и рыжеволосые варвары в волчьих шкурах и чешуйчатых кольчугах вторглись с севера на богатые возвышенности и своими мечами отсекали для себя королевство Косс. Они промчались по Кутшему, сметая все на своем пути, запятнали кровью мраморные башни, и королевство Ахерон погибло в огне.

Но пока они бесчинствовали на улицах древнего города, защитники которого падали под мечами варваров, как созревшая кукуруза, Тугра Хотан проглотил странный и чудовищный яд, и жрецы в масках закрыли его в гробнице, которую он сам себе приготовил. Его верные слуги погибли в кровавой резне вокруг гробницы, но варвары не смогли ни выломать дверь, ни повредить сооружение оружием или огнем. Они ускакали прочь, оставив великий город в руинах. Тугра Хотан, последний из магов Кутшема, остался лежать непотревоженным под железным куполом своей гробницы. Безжалостное время подточило колонны, обрушило стены, и даже река, которая некогда питала водой эти земли, ушла в песок и высохла.

Многие воры стремились украсть сокровища, которыми, как гласят легенды, полон железный купол, где покоятся кости мага. И многие воры встретили свою смерть на пороге купола, а многие другие бежали, теряя рассудок от дьявольских видений, и последним, что сорвалось с их губ перед смертью, были не слова, а вой и хохот безумцев.

Поэтому Шеватас дрожал, стоя перед гробницей. И страх его не становился слабее от мыслей о змее, которая, если верить легенде, охраняет прах мага. Все мифы о Тугра Хотане, словно могильным покрывалом, были окутаны смертельным ужасом. С того места, где стоял вор, были видны руины огромного зала, где сотни закованных в цепи пленников стояли на коленях во время праздников, ожидая, когда жрец-король срубит им головы в честь Сета, бога-змея Стигии. Где-то неподалеку, должно быть, находилась темная и жуткая яма, где кричащих жертв скармливали безмянному и бесформенному чудовищу, которое вползало туда из еще более глубокой и страшной пещеры. В легендах Тугра Хотан представал больше, чем человеком. Однако верования тех, кто чтит его, постепенно выродились в уродливый и отвратительный культ. Они продолжали чеканить изображение Тугра Хотана на монетах, которыми их мертвые расплачивались за путь через великую реку тьмы. Стикс

— всего лишь материальная тень этой великой реки. Шеватас видел изображение древнего мага на монетах, украденных из-под языков мертвых, и его лицо навсегда запечатлелось в

памяти вора, хоть он и желал бы его забыть.

И все же он отбросил прочь страх и поднялся к бронзовой двери, на гладкой поверхности которой не было ни ручки, ни засова. Но Шеватас не напрасно изучал темные культы, не напрасно внимал хриплому шепоту служителей Скелосо в полночь под деревьями и читал запретные окованные железом книги Слепца Вахелоса.

Опустившись на колени у входа, он ощупал проворными пальцами порог. Их чувствительные подушечки нашли выступы, слишком крошечные, чтобы их мог заметить глаз или могли обнаружить менее тренированные пальцы. Шеватас принялся осторожно нажимать на них в строго заданном порядке, одновременно бормоча давно забытое заклинание. Нажав на последний выступ, он с невероятной быстротой вскочил и резко ударил в центр двери ладонью.

Не скрипели пружины, не скрежетал засов. Дверь медленно и плавно отъехала назад, и Шеватас шумно выдохнул сквозь стиснутые зубы. За дверью обнаружился короткий узкий коридор. Дверь скользнула вдоль него и теперь запечатывала собой его противоположный конец. Пол, потолок и стены открывшегося тоннеля были железными. И вот из бокового отверстия явился молчаливый извивающийся ужас, что поднял голову и глянул на пришельца жуткими светящимися глазами. То была змея двадцати футов длиной. Чешуя, покрывающая ее тело, мерцала и переливалась всеми цветами радуги.

Чудовище, вероятно, обитало в подземельях и пещерах под основанием купола, где царит вечная ночь. Вор не терял времени на подобные догадки. Он со всевозможной осторожностью вынул из ножен меч. С лезвия упало несколько капель зеленоватой жидкости, точно такой же, как та, что сбегала с кривых, как ятаган, клыков. Лезвие меча было смочено таким же ядом, как яд стража гробницы, и то, как Шеватас добыл этот яд в дьявольских болотах Зингары, уже само по себе заслуживало отдельной истории.

Вор осторожно продвигался вперед, слегка согнув колени, готовый мгновенно метнуться в любую сторону, как пламя свечи от порыва ветра. Ему понадобились все его скорость и слаженность движений, когда змея выгнула шею и, распрямляя все свое могучее тело, бросилась с быстротой и неотвратимостью удара молнии. Несмотря на свою скорость реакции Шеватас едва не погиб. Ему повезло. Все его тщательно продуманные планы отскочить в сторону и ударить мечом по вытянутой шее рухнули в мгновение ока, сметенные невероятной быстротой нападения змеи. Вор успел только выставить меч перед собой, невольно закрыв глаза и вскрикнув. Затем меч был выдернут из его руки, и коридор наполнился оглушительными хлопающими звуками.

Шеватас открыл глаза и с удивлением обнаружил, что все еще жив. Чудовище вздымалось и опускалось, его гибкое туловище корчилось в ужасных конвульсиях. Меч застрял в огромной пасти змеи. Единственно благодаря счастливому случаю змея бросилась разверстой пастью туда, где он слепо выставил перед собой копье. Через несколько мгновений змея сложилась в блестящие, чуть подрагивающие кольца. Яд сделал свое дело.

Как можно осторожнее переступив через тело стража, вор бросился к двери, которая на этот раз скользнула вбок, открывая внутренность купола. Шеватас вскрикнул. Вместо крошечной тьмы его полоснул по глазам темно-красный свет, который трепетал и пульсировал так, что глаза обычного человека почти не могли это выдержать. Свет исходил из гигантского красного драгоценного камня, закрепленного высоко под сводом купола. Шеватас, хотя вид драгоценностей и был ему привычен, уставился в изумлении на то, что предстало его глазам.

Сокровище было здесь, громоздилось вокруг в изобилии, от которого кружилась голова. Бриллианты, сапфиры, рубины, бирюза, опалы, изумруды лежали грудками. Небрежно были рассыпаны нефрит, агат и ляпис-лазурь. Бруски золота были сложены в пирамидки, высились теокалли серебряных слитков, лежали мечи с изукрашенными драгоценными камнями

рукоятями в позолоченных ножнах; золотые шлемы с цветными гребнями из конского волоса, или с черными или алыми перьями; отделанные серебром латы; инкрустированные драгоценными камнями перевязи, которые некогда носили короли-воители, что уже три тысячи лет покоятся в своих могилах; кубки, вырезанные из цельного драгоценного камня; черепа, окованные золотом, с лунными камнями в пустых глазницах; ожерелья из человеческих зубов вперемешку с драгоценными камнями. Железная дверь была покрыта слоем золотой пыли толщиной в несколько дюймов. Пыль мерцала и искрилась в темно-красном сиянии тысячами сверкающих искр. Вор стоял посреди магического великолепия, попирая звезды обутыми в сандалии ногами.

Но взгляд его был неотрывно устремлен на ложе из кристалла, которое высилось посреди мерцающего блеска в центре купола, прямо под красным драгоценным камнем, и на котором должны были покоиться кости, обратившиеся в прах под мерной поступью тысячелетий. Но когда Шеватас глянул туда, кровь отхлынула от его темной кожи, его собственные кости превратились в лед, и все тело вора покрылось гусиной кожей от ужаса, а губы его беззвучно шевелились. Внезапно голос вернулся к нему. Единственный ужасный вопль прорезал тишину и долго отдавался эхом внутри высокого купола. Затем тишина многих веков вновь воцарилась над руинами таинственного Кутшема.

Слухи, путешествуя по лугам, достигли гиборейских городов. Весть несли караваны: длинные цепи верблюдов, идущие через пески, ведомые худыми и жилистыми, одетыми в белые кафтаны людьми с ястребиными глазами. Ее передавали горбоносые пастухи на пастбищах, она путешествовала от обитателей шатров к жителям приземистых каменных городов, в которых короли с курчавыми иссиня-черными бородами творили странные ритуалы во славу пузатых божков. Слухи просочились сквозь путаницу холмов, где тощие дикари взимали дань с караванов. Известие проникло на плодородные земли нагорья, где высились гордые города на берегах синих озер и рек. Слухи проползли по широким белым дорогам, по которым оживленно двигались запряженные волами повозки, мычащие стада, богатые купцы, закованные в сталь рыцари, лучники и жрецы.

То были слухи из пустыни, лежащей к востоку от Стигии, далеко на юг от холмов Косса. Среди кочевых племен появился новый пророк. Люди говорили о племенной войне, о том, что на юго-востоке собираются стервятники, и об ужасном вожде, который вел эти орды, растущие как снежный ком, к победе. Стигийцы, которые всегда были угрозой северным народам, не были связаны с этим движением, потому что они сами собирали армии на северных границах, а их жрецы творили боевую магию, чтобы противостоять магии колдуна из пустыни. Люди именовали его Нэток, Колдун в Маске, ибо он никогда не открывал лица.

Но волна устремилась на северо-запад, и короли с иссиня-черными бородами умерли перед алтарями своих пузатых божков, а приземистые каменные стены их городов были залиты кровью. Люди говорили, что цель Нэтока и его завывающих приспешников — горные земли гиборейцев.

Набеги из пустыни были обычными, но возникшее ныне движение не было обычным набегом. Слухи гласили, что Нэток заставил тридцать кочевых племен и пятнадцать городов присоединиться к нему, и даже непокорный стигийский принц покорился колдуну и стал его вассалом. Последняя весть предвещала грядущему нападению характер настоящей войны.

Как обычно, большинство гиборейских народов были склонны не обращать внимания на растущую угрозу. Но в Хорайе, земли которой были высечены из шемитских земель мечами косских воинов, встревожились. Хорайя лежала к юго-востоку от Косса и в случае вторжения приняла бы на себя всю его тяжесть. Юный король страны был пленником коварного короля Офира. Тот не мог решить: вернуть ли его на родину, взяв огромный выкуп, или отдать его в руки заклятого врага, скупого короля Косса, который не сулил золота, зато обещал выгодный договор между странами. Тем временем бразды правления королевством, которому угрожала страшная опасность, находились в прекрасных руках юной принцессы Ясмелы, сестры короля.

Менестрели воспевали ее красоту по всему западному миру. Она была воплощением гордости, присущей королевской династии. Но в ту ночь, о которой идет речь, вся гордость слетела с нее, как покрывало. В комнате принцессы, потолок которой представлял собой купол из ляпис-лазури, мраморный пол был устлан редкими и ценными мехами, а стены украшал золотой фриз, десять девушек, дочерей благороднейших домов, дремали на бархатных кушетках вокруг ложа принцессы — золотого возвышения под шелковым балдахин. Но принцессы Ясмелы не было на шелковом ложе. Она лежала нагая ничком на мраморном полу, словно служанка, которую наказывают за провинность. Темные волосы разметались по белым плечам, тонкие пальцы царапали пол в невыносимой муке. Принцесса корчилась от ужаса, который заморозил кровь в ее жилах, заставил неестественно расшириться зрачки прекрасных глаз, от

которого дыбом вставали волосы и тело покрывалось гусиной кожей.

Над ней, в самом темном углу мраморной комнаты, высилась большая бесформенная тень. Это не было живое существо, состоящее из плоти и крови. Это был сгусток тьмы, туманное пятно, чудовищное и противоестественное порождение ночи, которое могло бы показаться плодом воображения погруженного в кошмарный сон мозга, если бы не два блестящих желтых огня, которые двумя глазами сверкали во мраке.

Более того, от тени исходил голос. Низкое, едва уловимое шипение больше всего походило на тихий свистящий звук, который издают змеи, и который не могло бы воспроизвести ни одно существо с губами человека. Голос твари, равно как и смысл ее слов, наполняли Ясмелу ужасом. Ужас сотрясал ее до глубины души; ужас был столь нестерпим, что принцесса извивалась и корчилась всем телом, как под ударами плетей — словно пыталась стряхнуть движениями тела навязчивое зло, ползущее ей в душу.

— Ты отмечена знаком, ты принадлежишь мне, принцесса, — шелестел страшный шепот. — Еще прежде чем восстать от долгого сна, я отметил тебя и стремился к тебе, принцесса. Но меня сковывало древнее заклятие, при помощи которого я спасся от врагов. Я — душа Нэтока, Колдуна в Маске! Посмотри хорошенько на меня, принцесса. Скоро ты обнимешь меня в моем телесном воплощении. Скоро ты будешь любить меня!

Шепот призрака перешел в похотливое хихиканье. Ясмела застонала и в пароксизме ужаса ударила по мраморным плитам пола крохотными кулачками.

— Я сплю во дворце Акбитаны, — продолжалось жуткое шипение. — Там лежит мое тело, его кости и плоть. Но тело — лишь пустая скорлупа, которую свободный дух может покинуть для полета. Если бы ты могла выглянуть из окна того дворца, ты бы поняла тщетность сопротивления. Пустыня расстилается цветником в свете луны, а его цветы — это сотни тысяч военных костров. Как стремится лавина с гор, набирая силу и скорость, так моя армия обрушится на земли моих древних врагов. Черепа их королей послужат мне кубками, их женщины и дети станут рабами рабов моих рабов. Долгие годы сна взрастили мое могущество... А ты будешь моей королевой, о принцесса! Я научу тебя древним, забытым ныне способам наслаждений. Мы...

Под потоком сверхъестественной непристойности, исходящей от призрачного колосса, Ясмела скорчилась, как если бы удар бича ожег ее нежное нагое тело.

— Помни! — шепнул ужас. — Уже очень скоро я приду за тем, что мне принадлежит!

Ясмела, прижав лицо к каменным плитам и зажимая уши нежными пальцами, услышала странный хлопающий звук, словно от крыльев летучей мыши. Она со страхом глянула вверх, но увидела только луну, светящую в окно. Лунный луч пронзил серебряным клинком то место, где только что скрывался во мраке чудовищный фантом. Дрожа всем телом, принцесса поднялась, с трудом добралась до атласной кушетки, упала на нее и истерически разрыдалась. Девушки продолжали спать, но вот одна проснулась, зевая и потягиваясь, и огляделась вокруг. Тотчас она была на коленях подле кушетки, обнимая Ясмелу за стройный стан.

— Это было... было?.. — ее темные глаза расширились от испуга. Ясмела судорожно вцепилась в нее.

— Ах, Ватиса, Оно явилось снова! Я видела Его, слышала, как Оно говорит! Оно назвало Свое имя — Нэток! Это Нэток! Это не был кошмарный сон, это было на самом деле! Оно возвышалось надо мной, а все девушки спали, как будто им дали сонное зелье. Что делать, о, что мне делать?

Ватиса в раздумье повернула золотой браслет на полной руке.

— О принцесса, — сказала она. — Нет сомнений в том, что простым смертным не под силу справиться с Ним, и предохранительное заклятие, полученное тобой от жрецов Иштар, не

помогло. Значит, единственное, что тебе осталось — обратиться к забытому оракулу Митры.

Несмотря на только что пережитый ужас, Ясмела вздрогнула. Боги вчерашнего дня становятся дьяволами завтрашнего. Жители Косса давно перестали поклоняться Митре, забыли, каким был всеобщий бог гиборейцев. У Ясмелы было только смутное представление, что, поскольку бог этот очень древний, он должен быть ужасен. Иштар тоже следовало бояться, равно как и других богов Косса. Культура и религия Косса претерпела изменения, соприкоснувшись с культурами Шема и Стигии, и кое-что из них заимствовав. Простой образ жизни гиборейцев сильно изменился под воздействием чувственных, роскошных и деспотических привычек Востока.

— А Митра поможет мне? — Ясмела схватила Ватису за запястье. — Мы так давно поклоняемся Иштар...

— Поможет. Пусть не будет сомнения в сердце твоём! — Ватиса была дочерью офирского жреца, который привез с собой свои обычаи, когда бежал от политических врагов в Хорайю. — Ступай и спроси святыню! Я пойду с тобой.

— Я пойду! — Ясмела встала, но воспротивилась, когда Ватиса хотела помочь ей одеться. — Не годится мне стоять перед святыней, закутанной в шелка. Я приползу на коленях, нагая, как должно тому, кто поклоняется истинно, чтобы Митра не счел, что мне не достаёт скромности.

— Чушь! — Ватиса, похоже, не питала большого уважения к тому, что она считала ложным культом. — Митра предпочитает, чтобы люди стояли перед ним выпрямившись, а не ползали на животах, как червяки, и не окропляли кровью животных его алтарь.

Получив такой выговор, Ясмела позволила девушке надеть на себя легкую шелковую рубашку без рукавов, набросить поверх нее шелковую тунику и перехватить ее в талии широким бархатным поясом. Изящные ноги принцессы были обуты в атласные туфли, а несколько искусных прикосновений проворных пухлых пальчиков Ватисы привели в порядок темные волнистые волосы принцессы.

Ватиса откинула тяжелый, тканый золотом гобелен и отодвинула золотой засов скрытой за ним двери. Принцесса следовала за ней. За дверью обнаружился узкий изгибающийся коридор. По нему девушки быстрым шагом добрались до другой двери, за которой был просторный зал. Там стоял стражник в позолоченном шлеме, украшенном гребнем, посеребренной кирасе и гравированных золотом поножах. Вооружен он был боевым топором с длинной рукоятью.

Ясмела махнула ему рукой, он отсалютовал и снова занял свое место у двери, неподвижный, как медная статуя. Девушки пересекли зал, который казался невообразимо огромным и сверхъестественным в свете факелов на очень высоких стенах, и спустились вниз по лестнице. Ясмела вздрагивала при виде темных теней по углам. Они спустились вниз на три лестничных пролета и наконец остановились в узком коридоре, потолок которого в виде арки был инкрустирован драгоценными камнями, в пол были вделаны самоцветы, а стены были украшены золотым фризом. Они на цыпочках прошли по этому сияющему пути, взявшись за руки, и остановились перед позолоченной дверью.

Ватиса распахнула дверь, и их взорам предстала святыня, давно забытая всеми, за исключением нескольких верных, а также членов королевской семьи Хорайи, ради которых и поддерживался храм. Ясмела никогда не была здесь, хотя родилась и провела всю свою жизнь во дворце. Святилище было простым и неукрашенным по сравнению с богатством и вычурностью святилищ Иштар. Здесь чувствовалась простота достоинства и красоты, присущие религии Митры.

Потолок был очень высоким, но не в виде купола и из простого белого мрамора, так же как стены и дверь. Вдоль стен бежал полоской узкий золотой фриз. Позади алтаря из чистого зеленого нефрита, не запятнанного следами жертвоприношений, стоял пьедестал, на котором

сидело материальное представление божества. Ясмела в благоговейном ужасе смотрела на могучий размах плеч, на строгие правильные черты — большие глаза правильной формы, борода патриарха, крупные завитки волос, перехваченные простой лентой на висках. Это, хоть принцесса того и не знала, было искусство в высшем своем проявлении — свободное, ничем не скованное художественное выражение высокоэстетической расы, не заторможенное принятым символизмом.

Ясмела опустила на колени и простерлась ниц, не обращая внимания на упреки и увещания Ватисы. Ватиса на всякий случай последовала ее примеру, ибо она была всего лишь обычной девушкой и чувствовала благоговейный ужас в святилище Митры. Но даже сейчас она не могла удержаться и шепнула Ясмеле на ухо:

— Это всего лишь символ бога. Никто не пытался утверждать, что знает, как выглядит Митра. Эта статуя представляет его в идеализированном человеческом облике, настолько близком к совершенству, насколько может вообразить человеческий ум. Бог не обитает в этом холодном камне, как, по словам ваших жрецов, обитает Иштар. Он повсюду — над нами, вокруг нас, и утром он дремлет в высоте среди звезд. Но в этом месте его сущность фокусируется. Поэтому воззови к нему.

— Что мне сказать? — шепнула Ясмела, запинаясь от ужаса.

— Прежде чем ты заговоришь, Митре уже известны все твои мысли... — начала Ватиса. И вдруг обе девушки вздрогнули от испуга, когда прямо из воздуха над ними возник голос. Глубокие, спокойные, звучные тона исходили отовсюду, из статуи не больше, чем из стен. Снова Ясмела дрожала перед бестелесным голосом, который обращался к ней, но на этот раз не от ужаса или отвращения.

— Не нужно слов, дочь моя, ибо мне известно, в чем ты нуждаешься, — пришли интонации, как глубокие музыкальные волны, ритмично бьющиеся о золотой берег. — Есть только один способ тебе спасти твое королевство и, спасая его, спасти весь мир от клыков змеи, которая выползла на свет из многовековой тьмы. Ступай одна на улицы города, и доверь судьбу своего королевства в руки первого, кого встретишь.

Голос, не имеющий эха, умолк, и девушки уставились друг на друга. Затем они поднялись на ноги и на цыпочках вышли прочь. Они заговорили не раньше, чем добрались до спальни Ясмелы. Принцесса выглянула в окно, забранное золотой решеткой. Луна зашла. Было уже далеко за полночь. Звуки пиров затихли в садах и на крышах города. Хораяя спала под звездами, словно отражениями которых служили факелы, которые мерцали вдоль садов и улиц, и на плоских крышах домов, где спали люди.

— Что будешь делать? — шепнула Ватиса, вся дрожа.

— Подай мне плащ, — ответила Ясмела, стиснув зубы, чтобы не стучали.

— Одна, на улицах, в столь поздний час! — принялась увещевать ее Ватиса.

— Митра говорил со мной, — ответила принцесса. — Это мог быть голос бога или трюк жреца. Неважно. Я пойду!

Она закутала гибкую фигуру в обширный шелковый плащ, надела бархатную шапочку с плотной вуалью, торопливо прошла по коридорам до большой бронзовой двери. Дюжина копейщиков удивленно смотрели ей вслед, когда она вышла наружу. Это было крыло дворца, которое выходило прямо на улицу, со всех остальных сторон дворец был окружен большими садами и обнесен высокой стеной. Принцесса оказалась на улице, освещенной факелами, расположенными через равные промежутки.

Она замерла на мгновение, затем, прежде чем ее решимость исчезла, принцесса закрыла за собой дверь. Легкая дрожь пробежала по ее телу, когда она посмотрела по сторонам. Улица была совершенно пустой и тихой. Ясмела, дочь аристократов, никогда прежде не выходила одна, без

сопровождающих, из дворца своих предков. Мысленно подбодрив себя, она быстро пошла по улице. Ее ноги, обутые в атласные туфли, легко ступали по мостовой, но от малейшего звука шагов ее сердце подпрыгивало до горла. Ей казалось, что они отдаются громовым эхом в лабиринте города, и будят злобные фигуры с крысиными глазами в тайных логовищах под землей. Казалось, в каждой тени крылся наемный убийца, в каждой подворотне таились крадущиеся псы ночи.

Внезапно она вздрогнула всем телом. Впереди нее на жуткой улице появилась фигура. Принцесса быстро укрылась в густой тени, которая теперь казалась небесным спасением. Ее сердце бешено колотилось. Приближающийся человек шел не скрытно, как вор, и не робко, как скромный путник. Он вышагивал по ночной улице, как человек, у которого нет ни желания, ни необходимости идти тихо. В его походке была бессознательная важность, и звуки его шагов по мостовой отдавались громким эхом. Когда он приблизился к факелу, принцесса ясно разглядела его — высокий мужчина, одетый в кольчугу из прочных колец, какие носят наемники. Принцесса собралась с духом и вышла из тени, плотно кутаясь в плащ.

— Ах-ха! — меч прохожего наполовину вылетел из ножен. Он замер, когда мужчина увидел, что перед ним всего лишь женщина. Однако взгляд воина скользнул поверх ее головы в тень, ища возможных компаньонов.

Они стояли друг перед другом. Рука мужчины лежала на длинной рукояти меча, которая выглядывала из-под алого плаща, небрежно спадавшего с его широких плеч. Свет факелов тускло блестел на полированной синей стали его поножей и легкого шлема. Более губительный огонь блестел синевой в его глазах. С первого взгляда было видно, что он не коренной житель Косса, а когда он заговорил, принцесса поняла, что он не гибореец. Он был одет как капитан наемников, а в этой отчаянной команде были люди из многих стран — как цивилизованные иностранцы, так и варвары. В этом воине было нечто волчье, изобличавшее в нем варвара. Глаза цивилизованного человека, каким бы он ни был дикарем или преступником, не могут сверкать таким огнем. В его дыхании чувствовались винные пары, но он не пошатывался.

— Тебя что, вышвырнули на улицу? — спросил он на варварском косском, протягивая к ней руку. Его пальцы сомкнулись на ее запястье без нажима, но она почувствовала, что он без труда может сломать ей кости. — Я иду из последнего открытого винного погребка — Иштар да проклянет этих белобрюхих крючкотворов, которые закрывают питейные дома! «Пусть люди спят вместо того, чтобы напиваться», говорят они — ну конечно, чтобы люди лучше работали и сражались для своих хозяев. Евнухи с мягкими кишками, я их называю. Когда я служил наемником в Коринфии, мы пили и гуляли с девками всю ночь, а потом сражались весь день — о да, и кровь рекой текла по нашим клинкам! Но что с тобой стряслось, детка? Сними-ка эту проклятую маску...

Принцесса, ловко изогнувшись, избежала его хватки, стараясь в то же время не оттолкнуть его. Она понимала, какой опасности себя подвергает — в городе, на пустынной улице, наедине с пьяным варваром. Если она откроет ему свое имя, он может посмеяться над ней и уйти. Она не была уверена, что он не перережет ей горло. Варвары поступают странно и необъяснимо. Принцесса переборола растущий страх.

— Не здесь, — рассмеялась она. — Пойдем со мной...

— Куда? — его дикая кровь взыграла, но он был осторожен, как волк. — Ты хочешь меня заманить в притон грабителей?

— Нет, нет, клянусь! — она всеми силами старалась избежать руки, которая снова протянулась сорвать с нее вуаль.

— Укуси тебя демон, девчонка! — буркнул он с отвращением. — Ты со своей вуалью хуже гирканской женщины. Дай я хотя бы взгляну на твою фигуру!

Прежде чем она успела ему помешать, он сдернул с нее плащ, и тихонько свистнул сквозь зубы. Он стоял с ее плащом в руках, глядя на нее так, словно вид ее богатых одежд слегка протрезвил его. Она увидела, что в его глазах мелькнуло сердитое подозрение.

— Кто ты такая, черт побери? — пробормотал он. — Ты не уличная девка, если только твой любовник не украл для тебя одежду из королевского сераля.

— Неважно, — она решилась положить свою белую руку на его массивное закованное в броню предплечье. — Пойдем со мной, уйдем с улицы.

Он некоторое время колебался, затем пожал могучими плечами. Принцесса увидела, что он наполовину поверил в то, что она — какая-нибудь знатная дама, которой прискучили церемонные любовники, и она выбрала такой способ развлечься. Он позволил ей снова закутаться в плащ и последовал за ней.

Принцесса краем глаза наблюдала за ним, когда они вместе шли по улице. Его кольчуга не могла скрыть суровых черт его тигриной мощи. Все в нем было тигриным, первобытным, раскованным. Он был для нее чужд, как джунгли, в своем отличии от благовоспитанных придворных, к которым она привыкла. Она боялась его, она говорила себе, что ей отвратительны его грубая неотделанная сила и бесстыдное варварство. Однако что-то безымянное, жаждущее риска внутри нее тянулось к нему — скрытая первобытная струна, которая прячется в душе каждой женщины, звучала в ответ. Она чувствовала его напряженную руку в своей руке, и что-то глубоко в ней ответило на эту близость. Много мужчин становилось перед Ясмелой на колени. Это был тот, кто, она чувствовала, никогда не станет на колени ни перед кем. Ее чувства напоминали чувства человека, который ведет тигра без поводка. Она была испугана и возбуждена своим испугом.

Принцесса остановилась у двери дворца и легонько постучала. Наблюдая украдкой за своим спутником, она не заметила в его глазах подозрения.

— Дворец, да? — проворчал он. — Так ты горничная?

Принцесса обнаружила, что со странным чувством ревности думает, впускала ли какая-нибудь из ее девушек во дворец этого военного орла. Стражи не шевельнулись, когда она вела его мимо них, но он смотрел на них, как дикий злобный пес смотрел бы на чужую стаю. Она провела через занавешенную дверь во внутренний покой, где он остановился, наивно разглядывая гобелены, пока не заметил хрустальный кувшин с вином на столике черного дерева. Варвар с удовлетворенным вздохом схватил кувшин и опрокинул его содержимое в рот. Из внутренней комнаты выбежала Ватиса с взволнованным восклицанием:

— О, моя принцесса!

— Принцесса?!

Кувшин с вином упал на пол и разбился. Неуловимо быстрым движением наемник сорвал с Ясмелы вуаль и глянул ей в лицо. Он отпрянул с проклятием, меч оказался в его руке, блеснула синевой сталь. Глаза варвара сверкали, как у попавшего в ловушку тигра. В воздухе скопилось напряжение, словно затишье перед бурей. Ватиса осела на пол, лишившись дара речи от ужаса, но Ясмела смотрела на разъяренного варвара, не отводя глаз. Она понимала, что речь идет о ее жизни. Доведенный до безумия подозрениями и нерассуждающей паникой, он был готов сеять смерть при малейшей провокации. Но принцесса чувствовала какое-то невыразимое возбуждение от опасности ситуации.

— Не бойся, — сказала она. — Я принцесса Ясмела, но у тебя нет причин бояться меня.

— Зачем ты привела меня сюда? — рявкнул он, осматриваясь вокруг сверкающими глазами. — Что это за ловушка?

— Это не ловушка, — ответила она. — Я привела тебя сюда, потому что ты можешь мне помочь. Я воззвала к богам — к Митре — и он велел мне пойти на улицы и просить помощи

первого, кого я встречу.

Это было нечто, что он мог понять. У варваров тоже есть оракулы. Он опустил меч, хотя и не вложил в ножны.

— Ну, если ты принцесса Ясмела, тебе действительно нужна помощь, — буркнул он. — Твое королевство попало в дьявольскую переделку. Но чем я могу тебе помочь? Конечно, если тебе нужен головорез...

— Садись, — предложила она. — Ватиса, принеси ему вина.

Варвар повиновался. Она обратила внимание, что он позаботился сесть спиной к прочной стене, где он мог видеть всю комнату. Он положил обнаженный меч на защищенные кольчугой колени. Ясмела смотрела на меч в восхищении. Его тусклый синеватый блеск, казалось, отражал былые кровопролития и грабежи. Она сомневалась, что сможет его поднять, но знала, что наемники вращают мечи одной рукой с такой же легкостью, как она

— хлыст для верховой езды. Она обратила внимание на силу и мощь рук варвара. Это не были корявые неразвитые лапы дикаря. С чувством вины она внезапно обнаружила, что представляет, как эти сильные руки перебирают ее темные волосы.

Варвар, похоже, успокоился, когда она села напротив него на диван. Он снял свой легкий шлем и положил рядом на стол, и откинул назад железный назатыльник, позволяя складкам кольчуги падать на его массивные плечи. Теперь она более явственно рассмотрела его несходство с гиборейцами. В его темном, покрытом шрамами лице был намек на угрюмость, и, хотя черты его не были отмечены испорченностью или злобой, они были определенно грозными, а самым примечательным были его горящие синие глаза. На низкий широкий лоб спадали пряди взъерошенных волос, черных как вороново крыло.

— Кто ты такой? — резко спросила она.

— Конан, капитан наемных копьеносцев, — ответил он, одним глотком опустошая чашу вина и протягивая ее наполнить снова. — Я родом из Киммерии.

Название ей мало что говорило. Она смутно знала, что эта дикая, угрюмая холмистая страна лежит далеко на севере, за пределами гиборейских земель, и населяет ее дикая, жестокая, угрюмая раса. Она никогда до сих пор не видела киммерийца.

Ясмела оперла подбородок на руки и устремила на воина взор глубоких темных глаз, которые полонили много сердец.

— Конан Киммериец, — произнесла она, — ты сказал, что мне нужна помощь. Почему?

— Ну, — ответил он, — это всякому понятно. Твой брат король — пленник в Офире, Косс строит заговоры, чтобы поработить тебя, этот колдун в Шеме провозгласил кровь и смерть. А что хуже всего, так это то, что твои солдаты дезертируют ежедневно.

Принцесса ответила не сразу. Для нее было внове слышать столь откровенную речь. Слова этого человека не прятали суть за придворными вежливыми оборотами.

— Почему мои солдаты дезертируют, Конан? — спросила она.

— Некоторых переманил Косс, — ответил он, с удовольствием потягивая вино. — Многие считают, что Хорайя как независимое государство обречена. Многие испуганы рассказами об этом псе Нэтоке.

— Наемники останутся? — обеспокоенно спросила она.

— Да, пока ты будешь нам хорошо платить, — честно ответил он. — До твоей политики нам дела нет. Ты можешь верить Амальрику, нашему генералу, но остальные наемники — простые ребята, которые любят добычу. Если ты заплатишь выкуп, который просит Офир, люди станут говорить, что ты не сможешь заплатить нам. В этом случае мы можем перейти на службу к королю Косса, хотя этот проклятый скупердядя мне не друг. Или можем ограбить твой город. В гражданской войне добыча всегда богатая.

— Почему вы не перейдете к Нэтоку? — настойчиво спросила она.

— Чем он нам заплатит? — фыркнул он. — Пузатыми медными идолами, которые он унес из ограбленных шемитских городов? Пока ты воюешь с Нэтоком, можешь быть уверена, что мы не переметнемся к врагу.

— Пойдут ли за тобой твои товарищи? — резко спросила она.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, — подчеркнуто ответила она, — что я собираюсь назначить тебя командующим армией Хорайи!

Он замер с чашей вина, поднесенной к губам, которые кривились в широкой ухмылке. Глаза его сверкнули новым огнем.

— Командующим? Кром! Но что скажут твои надушенные аристократы?

— Они будут повиноваться мне! — Она хлопнула в ладоши, призывая раба, который вошел и склонился в низком поклоне. — Пусть граф Теспид тотчас явится ко мне, а также канцлер Таурус, лорд Амальрик и Агха Шупрас.

— Я верю словам Митры, — сказала она, останавливая взгляд на Конане, который теперь уплетал еду, поставленную перед ним дрожащей Ватисой. — Ты много воевал?

— Я был рожден на поле сражения, — ответил он, отрывая кусок мяса от огромной кости сильными зубами. — Первые звуки, которые услышали мои уши, были звон мечей и вопли сражающихся. Я дрался в кровавых схватках кланов, участвовал в племенных войнах и в имперских кампаниях.

— Но ты сможешь вести людей и организовывать линии войска?

— Ну, я могу попробовать, — ответил он, не раздумывая. — Это всего лишь битва на мечах, только большого масштаба. Вынимаешь из ножен гвардию, замахиваешься, удар — и либо голова врага с плеч, либо твоя.

Раб вернулся, объявил прибытие тех, за кем посылали. Ясмела вышла во внешнюю комнату, задернув за собой бархатную занавесь. Аристократы опустили на колени, явно удивленные тем, что их призвали в такой час.

— Я призвала вас, чтобы известить о своем решении, — сказала Ясмела.

— Королевство в опасности...

— Вы правы, моя принцесса, — заговорил граф Теспид, высокий мужчина, чьи черные волосы были завиты и надушены. Одной белой рукой он поглаживал остроконечные усы, другой держал бархатный берет с алым пером и золотой пряжкой. Его туфли с острыми носками были атласными, одежда была из расшитого золотом бархата. Граф отличался жеманностью манер, однако мускулы его под шелковыми одеждами были стальными. — Хорошо бы предложить Офиру больше золота за освобождение вашего брата.

— Я категорически возражаю, — прервал его канцлер Таурус, пожилой мужчина в плаще, подбитом мехом горностаея. Лицо канцлера было изборождено морщинами от забот его долгой службы. — Мы уже предложили столько, что королевство останется нищим. Если предложить еще, это только повысит алчность Офира. Моя принцесса, я повторяю то, что уже говорил: Офир не пошевелится, пока мы не встретим вторжение этой орды. Если мы проиграем, они отдадут нашего короля Коссу, если победим, они несомненно вернут его величество нам за выкуп.

— А тем временем, — вмешался Амальрик, — солдаты дезертируют ежедневно, а наемники не устают спрашивать, почему мы прохлаждаемся. — Это был немедиец, огромный мужчина с львиной гривой светлых волос. — Мы должны действовать быстро, если мы вообще...

— Завтра мы выступаем на юг, — ответила принцесса. — А вот человек, который поведет вас!

Откинув бархатные занавеси, она драматическим жестом указала на киммерийца.

Возможно, это был не слишком удачный момент для представления. Конан развалился в кресле, положил ноги на столик черного дерева, и был поглощен тем, что обгладывал кость, держа ее обеими руками. Он небрежно глянул на потрясенных аристократов, походя ухмыльнулся Амальрику и продолжал свое занятие с явным удовольствием.

— Сохрани нас Митра! — взорвался Амальрик. — Это же северянин Конан, самый беспокойный из моих негодяев! Я бы его давно повесил, если бы он не был лучшим из мечевиков, которые когда-либо носили кольчугу...

— Ваше высочество изволит смеяться над нами! — воскликнул Теспид, хмурая аристократические черты. — Этот человек дикарь, лишенный культуры и воспитания! Это оскорбление — заставлять благородных людей служить под его началом! Я...

— Граф Теспид, — сказала Ясмела, — у вас за поясом моя перчатка. Отдайте ее мне и идите.

— Идти? — воскликнул он, потрясенный. — Куда идти?

— В Косс или в Хадес! — ответила она. — Если вы не будете служить мне так, как я того желаю, вы не будете служить мне вовсе.

— Вы неправильно поняли меня, принцесса, — ответил он, склоняясь в низком поклоне, глубоко уязвленный. — Я не оставлю вас. Ради вас я даже готов предоставить мой меч в распоряжение этого дикаря.

— А вы, милорд Амальрик?

Амальрик выругался вполголоса, затем ухмыльнулся. Он был настоящим солдатом удачи, и никакой скачок удачи, безразлично, вверх или вниз, не мог его удивить.

— Я буду служить под его началом. Я всегда говорил, что жизнь должна быть короткой и веселой — а под командованием Конана Головореза жизнь несомненно будет и короткой, и веселой. Митра! Если этот пес когда-либо командовал больше, чем отрядом таких же убийц, как он сам, я готов съесть его вместе с его доспехами!

— А ты, мой верный Агха? — обратилась она к Шупрасу.

Тот пожал плечами, словно говоря своим видом: что еще мне делать? У него были типичная внешность для расы, живущей вдоль южных границ с Коссом: высокий, худощавый, черты лица более заостренные и ястребиные, чем у родственных пустынных народов с более чистой кровью.

— Иштар решает за нас, принцесса, — ответил он с фатализмом своих предков.

— Ждите здесь, — приказала Ясмела, и пока Теспид комкал и мял свой бархатный берет, Таурис обеспокоенно бормотал себе под нос, а Амальрик расхаживал взад-вперед, теребя свою светлую бороду и ухмыляясь как голодный лев, принцесса исчезла за занавесями и хлопнула в ладоши, призывая рабынь.

По ее приказу они принесли доспехи взамен кольчуги Конана — латный воротник, стальные ботинки, кирасу, оплечье лат, ножные латы, набедренник и шлем с забралом. Когда Ясмела вновь отдернула занавеси, Конан предстал перед собравшимися закованный в блестящую сталь. Одетый в броню с головы до пят, с поднятым забралом шлема, с тенью от черных перьев, украшающих шлем, на темном лице, он обладал мрачным величием, которое неохотно признал даже Теспид. С губ Амальрика неожиданно исчезла усмешка.

— Клянусь Митрой, — сказал он. — Я никогда не ожидал увидеть тебя, Конан, в полных рыцарских доспехах, но ты их не позоришь. Клянусь костями моих пальцев, Конан, я видел королей, на которых доспехи смотрелись не так уместно, как на тебе!

Конан молчал. Неясная тень промелькнула в его уме, как пророчество. Через много лет он вспомнит слова Амальрика, когда придет время мечте стать реальностью.

В слабом свете раннего утра улицы Хорайи были полны людей, которые наблюдали, как всадники выезжают из южных ворот. Армия наконец вышла в поход. Там были богатые рыцари, закованные в блестящую броню, разноцветные перья развевались над их полированными шлемами. Их кони, убранные шелком, лакированной кожей и золотыми пряжками, гарцевали и делали курбеты, когда всадники пускали их разными аллюрами. Утренний свет блеснул на остриях пик, которые лесом поднимались над отрядами, их флажки развевал ветер. Каждый рыцарь нес знак дамы сердца — перчатку, шарф или розу, привязанный к шлему или перевязи меча. Это была кавалерия знати Хорайи, пять сотен отважных рыцарей под предводительством графа Теспиды, кто, как говорили, надеялся получить руку самой принцессы Ясмелы.

За ними следовала легкая кавалерия на выносливых конях. Всадники были типичными обитателями холмов, худыми, с ястребиными чертами лица. На их головах были остроконечные стальные шапки, под их просторными кафтанами блеснули кольчуги. Их основным оружием были страшные шемитские луки, которые посылали стрелу на пятьсот шагов. Этим воинов было пять тысяч, и во главе их ехал Шупрас. Его узкое лицо под остроконечным шлемом было мрачным.

По пятам за ними маршировали копьеносцы Хорайи, которых всегда было сравнительно немного в любом гиборейском государстве, где считалось, что единственная достойная служба — в кавалерии. Копьеносцы, как и рыцари, были древней косской крови — сыновья обедневших семейств, неудачники, безденежная молодежь, которые не могли себе позволить лошадей и рыцарские доспехи. Их было пять сотен.

Тыл замыкали наемники, тысяча всадников и две тысячи копьеносцев. Высокие кони кавалерии казались дикими и крепкими, как их всадники. Они не делали ни курбетов, ни прыжков. У воинов, этих профессиональных убийц, ветеранов кровавых кампаний, был мрачный деловой вид. Закованные в кольчугу с головы до пят, они носили свои шлемы без забрал поверх кольчужных назатыльников. Их щиты не были украшены, их длинные пики были без флажков. У седел были приторочены боевые топоры или стальные булавы, и у каждого воина на поясе был широкий меч. Копьеносцы были вооружены очень похоже, только вместо коротких легких пик всадников у них были длинные тяжелые пики.

То были люди многих рас и многих преступлений. Среди них встречались высокие гиперборейцы, худые и ширококостные, медленные на слово, но скорые на драку; рыжеволосые гундерцы с северо-западных холмов; чванливые отступники из Коринфа; смуглые зингаранцы с колючими черными усами и бешеным темпераментом; аквилонцы с далекого запада. Но все, кроме зингаранцев, были гиборейцами.

Позади войска шел верблюд в богатых пополах, ведомый рыцарем на боевом коне и окруженный группой воинов, вооруженных пиками, из охраны королевского дворца. На шелковой подушке сиденья ехала стройная фигура, закутанная в шелк, при виде которой народ, всегда помнящий о королях, снял шапки и разразился приветственными криками.

Конан Киммериец, которому было непривычно и неудобно в рыцарских доспехах, неодобрительно уставился на украшенного верблюда и заговорил с Амальриком. Тот ехал рядом с ним, великолепный в кольчуге, прошитой золотом, с золотым щитком на груди и в шлеме с развевающимся гребнем из конского волоса.

— Принцесса едет с нами. Она гибкая, но все равно слишком нежная для такого дела. В любом случае ей придется снять свои шелка.

Амальрик шевельнул светлыми усами, чтобы скрыть усмешку. Очевидно, Конан полагал, что Ясмела собирается взяться за меч и принять участие в сражении, как часто делали женщины варваров.

— Женщины гиборейцев не сражаются, как ваши киммерийки, Конан, — сказал он. — Ясмела едет с нами, чтобы наблюдать за битвой. Между нами говоря, — он наклонился к Конану и понизил голос, — я полагаю, что принцесса просто боится оставаться одна, без защиты. Она боится...

— Восстания? Так может проще повесить десяток горожан, прежде чем мы выступим...

— Нет. Одна из ее девушек проболталась о том, что Нечто явилось во дворец ночью и перепугало Ясмелу до смерти. Это дьявольское колдовство Нэтока, у меня нет сомнений! Конан, это нечто большее, чем плоть и кровь, с которыми мы сражаемся.

— Ладно, — проворчал киммериец. — Лучше встретить врага, чем ждать, пока он придет.

Он бросил взгляд на длинную вереницу повозок и обоза, собрал поводья в закованной в броню руке и привычно сказал присказку наемников:

— Ад или добыча, друзья — вперед!

Тяжелые ворота Хорайи закрылись, пропустив армию. Нетерпеливые военачальники выстраивали войска в шеренги. Горожане знали, что в поход отправляется их жизнь или смерть. Если войско будет разбито, судьба Хорайи будет написана кровью. Орды, вздымающиеся огромной волной с дикого юга, не знают такого понятия, как милосердие.

Весь день колонны маршировали по лугам, поросшим травой, которая колыхалась под ветром. Луга пересекало множество малых рек. Местность постепенно повышалась. Впереди лежала цепь низких холмов, протянувшихся прочной стеной с востока на запад. Этой ночью они разбили лагерь на северных склонах холмов, и горбоносые, с горящими глазами дикари — обитатели холмов приходили десятками сидеть на корточках вокруг костров и повторять новости, которые пришли из таинственной пустыни. Через их рассказы ползло имя Нэтока, как извивающаяся змея. По его призыву демоны воздуха приносили гром, и ветер, и туман; жестокие бесы подземного мира сотрясали землю ужасающим ревом. По его велению возникал огонь прямо из воздуха, и пожирал ворота обнесенных стенами городов, и сжигал закованных в броню воинов, оставляя одни лишь обуглившиеся кости. Его войска своей численностью заполнили пустыню, и еще у него было пять тысяч стигийских войск в боевых колесницах под началом мятежного принца Кутамуна.

Конан слушал известия без волнения. Война была его ремеслом. Жизнь была непрерывным сражением, или цепью сражений. С самого его рождения Смерть была ему постоянной спутницей. Она вышагивала рядом с ним своей жуткой походкой; стояла за его плечом у игорных столов; ее костлявые пальцы стучали по кубкам с вином. Она возвышалась над ним чудовищной неясной тенью в плаще с капюшоном, когда он укладывался спать. Он обращал внимания на ее присутствие не больше, чем король замечает присутствие своего виночерпия. Придет день, когда ее костлявые объятия сомкнутся; не более того. Достаточно, что прямо сейчас он жив.

Однако, другие были более подвержены страху, чем он. Проверив стражу и возвращаясь в центр лагеря, Конан оказался перед гибкой, закутанной в плащ фигурой, которая остановила его, протянув руку.

— Принцесса! Вы должны быть в своем шатре.

— Я не могу спать, — ее темные глаза прятались в тени. — Конан, я боюсь!

— Ты боишься каких-нибудь людей? — Его рука сомкнулась на рукояти меча.

— Нет, не людей, — вздрогнула она. — Конан, есть ли что-нибудь, чего ты боишься?

Он задумался, трогая себя за подбородок.

— Да, — признал он наконец. — Я боюсь проклятия богов.

Она снова задрожала.

— На мне лежит проклятие. Дьявол из пропасти поставил на мне свою отметину. Ночь за ночью он кроется в тени, шепча мне кошмарные тайны. Он потащит меня вниз, в ад, и сделает своей королевой. Я не смею спать — он придет ко мне в мой шатер, как приходил во дворец. Конан, ты так силен, будь со мной — я боюсь!

Она больше не была принцессой, а была напуганной девочкой. Ее гордость спала с нее, оставив ее не стыдящейся наготы. В своем неистовом страхе она пришла к Конану, который казался сильнее всех. Его безжалостная сила, которая отталкивала ее, теперь влекла ее к себе.

Вместо ответа он сбросил свой алый плащ и закутал ее в него — грубо, как будто нежность любого рода была для него немыслима. Его железная рука на мгновение задержалась на ее узком плече, и Ясмела снова задрожала, но не от страха. Словно электрический шок, волна животной жизненной энергии прошла через нее от этого одного прикосновения, как будто часть бьющей через край силы Конана передалась ей.

— Ляг здесь, — от указал на чистое место близ небольшого костра. Он не увидел ничего неподобающего в том, чтобы принцесса лежала на голой земле рядом с лагерным костром, закутанная в плащ воина. Но принцесса повиновалась без возражений.

Он уселся рядом с ней на валун, положив на колени широкий меч. Свет костра мерцал на его броне из синей стали, и весь он казался стальной статуей — воплощением силы, которая на мгновение замерла в бездействии, не отдыхая, а лишь временно неподвижная, ожидающая знака, чтобы вновь ринуться в бешеное действие. Отблески пламени играли на его лице, и оно казалось сделанным из вещества тени, но твердой как сталь. Черты лица были неподвижны, но глаза пылали неукротимым огнем. Он был не просто дикарем, он был частью дикости, единым целым с необузданными стихиями жизни. В его жилах текла кровь волчьей стаи, в его мозгу крылись потаенные глубины северной ночи, его сердце пульсировало огнем пылающих лесов.

Так, размышляя в полудреме, Ясмела постепенно погрузилась в сон, окутанная прекрасным ощущением безопасности. Почему-то она была уверена, что никакая тень с горящими глазами не будет возвышаться над ней во мраке, пока эта угрюмая фигура из далеких стран стоит на страже около нее. Но проснулась принцесса опять от всепоглощающего ужаса, хотя ужас не был вызван чем-то, что предстало ее взору.

Ее разбудило низкое бормотание голосов. Открыв глаза, она увидела, что костер почти догорел. В воздухе было ощущение рассвета. Она могла смутно различить, что Конан все еще сидит на валуне; она мельком увидела продолговатый синий блик его меча. Рядом с ним скорчилась другая фигура, на которую угасающий костер бросал слабый свет. Ясмела сонно рассмотрела горбатый нос, блестящие глаза под белым тюрбаном. Человек быстро говорил на шемитском диалекте, который она понимала с трудом.

— Пусть Бел скрючит мне руку! Я говорю правду! Клянусь Деркетом, Конан, я король лжецов, но я не стану лгать старому товарищу. Клянусь днями, когда мы вместе были ворами в Заморе, прежде чем ты надел кольчугу!

Я видел Нэтока. Вместе с остальными я падал на колени перед ним, когда он вершил песнопения Сету. Но я не сунул нос в песок, как сделали остальные. Я вор Шумира, и мое зрение острее, чем у ласки. Я украдкой взглянул вверх, и увидел, как его вуаль развеивается на ветру. Ветер отбросил его маску, и я увидел... я увидел... да поможет мне Бел, Конан, говорю тебе, я действительно увидел это! Кровь моя застыла в жилах, и волосы встали дыбом. То, что я увидел, жгло мою душу, как раскаленное докрасна железо. Мне не было покоя, пока я не удостоверюсь.

Я отправился к руинам Кутшема. Дверь железного купола была открыта. В двери лежала гигантская змея, пронзенная мечом. Внутри купола лежало тело человека, такое скрюченное и

изуродованное, что я едва узнал его — это были останки Шеватаса из Заморы, единственного вора в мире, чье превосходство над собой я признавал. Сокровища были не тронуты, они лежали сверкающими грудками вокруг трупа. И это все.

— Там не было костей... — начал Конан.

— Там не было ничего! — горячо перебил его шемит. — Ничего! Только ОДИН труп.

В ответ воцарилось молчание, и Ясмела отшатнулась от крадущегося безымянного ужаса.

— Откуда явился Нэток? — вознесся вибрирующий шепот шемита. — Он явился из пустыни ночью, когда мир был ослеплен и сделался дик от безумных туч, гонимых в бешеном полете мимо дрожащих звезд, и завывания ветра мешались с воплями потерянных душ. В ту ночь вампиры вышли на промысел, нагие ведьмы скакали, оседлав ветер, и волки-оборотни выли в глуши. Он явился на черном верблюде, что мчался как ветер, и нечистый огонь озарял его, и следы от копыт его верблюда сияли во мраке. Когда Нэток спешил перед святилищем Сета в оазисе Афака, животное вернулось в ночь и исчезло. И я говорил с людьми племени, которые клянутся, что верблюд развернул гигантские крылья и взмыл в облака, оставляя за собою огненный след. С той ночи никто не видел этого верблюда, но черная тень, похожая и на тень зверя, и на тень человека, проникает в шатер Нэтока и говорит с ним в темноте перед рассветом. Я скажу тебе, Конан, Нэток на самом деле... смотри, я покажу тебе образ того, что я увидел в тот день у Шушана, когда ветер отбросил прочь его вуаль!

Ясмела увидела блеск золота в руке шемита, когда мужчины низко склонились над чем-то. Он услышала ворчание Конана, и внезапно чернота окутала ее. Первый раз в своей жизни принцесса Ясмела потеряла сознание.

Рассвет все еще был не более чем намеком на просветление на востоке, когда армия уже снова была на марше. В лагерь прискакали дикари, их кони шатались от долгой скачки, с сообщениями, что пустынная орда стоит лагерем близ Источника Алтаку. Поэтому солдаты торопливо совершали бросок через горы, оставляя обоз следовать позади. Ясмела ехала верхом вместе с ними, в ее глазах отражался призрачный ужас. Неопиcуемый кошмар принял еще более чудовищные очертания с тех пор, как она узнала монету в руке шемита прошлой ночью — одна из тех, что тайно выплавлялись извращенным культом зугитов, на которых изображался тот, кто был три тысячи лет как мертв.

Дорога петляла между остроконечными иззубренными утесами и скальными столбами, что подобно башням возвышались над узкими долинами. Там и тут были разбросаны деревни — нагромождения каменных хижин, облепленных грязью. Дикари выезжали оттуда, чтобы присоединиться к своим соплеменникам, так что прежде чем они пересекли холмы, армия увеличилась примерно на три тысячи диких лучников.

Внезапно они покинули холмы и дыхание их перехватило от широты раскинувшегося перед ними пространства, которое простиралось к югу. На южной стороне холмы отвесно обрывались, обозначая четкую географическую границу между Косскими возвышенностями и южной пустыней. Холмы были ободком возвышенностей, и они тянулись почти непрерывной стеной. Здесь они были голыми и пустыми, населенные только кланом Захейми, чьими обязанностями было охранять караванный путь. За холмами простиралась пустыня — голая, пыльная, безжизненная. Но за горизонтом лежал Источник Алтаку, и там были орды Нэтока.

Воины посмотрели вниз на Путь Шамла, по которому шли все богатства севера и юга, и по которому промаршировали армии Косса, Хорайи, Шема, Турана и Стигии. Здесь была брешь в отвесной стене оплота. Отроги холмов выходили в пустыню, образуя защищенные долины, которые все кроме одной были закрыты с северной оконечности обрывистыми утесами. Эта единственная и была проходом. Она напоминала огромную руку, протянувшуюся с холмов: два пальца, разойдясь, образовали долину в форме веера. Пальцы были представлены широкими гребнями горы с каждой стороны, внешние стороны обрывающиеся отвесно, внутренние склоны пологие. Долина устремлялась вверх, постепенно сужаясь, и выходила на плато, склоны которого были изрезаны оврагами. Здесь был колодец, а также сборище каменных башен, занимаемых Захейми.

Здесь Конан остановился, резко осадив лошадь. Он сменил рыцарскую броню на более привычную кольчугу. К нему подскакал Теспид и требовательным тоном спросил:

— Почему ты остановился?

— Мы подождем их здесь, — ответил Конан.

— Рыцарю более подобает выехать вперед и встретить врага, — презрительно бросил граф.

— Они сомнут нас своей численностью, — ответил киммериец. — Кроме того, там снаружи нет воды. Мы станем лагерем на плато...

— Я и мои рыцари разобьем лагерь в долине, — сердито возразил Теспид.

— Мы — авангард, и уж мы, по крайней мере, не боимся толпы пустынных оборванцев.

Конан пожал плечами, и рассерженный аристократ ускакал прочь. Амальрик остановился вместе со своим отрядом, и смотрел как сверкающая компания съезжает вниз по склону в долину.

— Идиоты! Их фляги скоро опустеют, и им придется ехать обратно наверх, чтобы напоить

своих лошадей.

— Пусть поступают как хотят, — ответил Конан. — Им трудно получать от меня приказы. Вели братьям-волкам расслабить ремни и отдохнуть. Мы шли тяжело и быстро. Напоите лошадей, а люди пусть пожрут.

Не было смысла посылать разведчиков. Пустыня лежала перед ними обнаженная взгляду, хотя прямо сейчас видимость была ограничена низкими облаками, которые белесой массой лежали на юге над горизонтом. Однообразие пустыни нарушалось лишь выступающим нагромождением каменных руин в нескольких милях от холмов, Руины считались остатками древнего стигийского храма. Конан велел спешиться лучникам и разместил их вдоль горных гребней вместе с лучниками-дикарями. Он поместил наемников и хорайских копьеносцев на плато рядом с колодцем. Позади, в том углу, где дорога с холмов выходила на плато, был поставлен шатер Ясмелы.

Врага не было видно, и воины расслабились. Сняли легкие шлемы, отбросили назатыльники на затянутые в кольчугу плечи, расстегнули перевязи. Перебрасываясь грубыми шутками, воины пожирали мясо и глубоко окунали физиономии в кувшины с пивом. На склонах жители холмов отдыхали, пожевывая финики и оливки. Амальрик подошел туда, где Конан сидел с непокрытой головой на валуне.

— Конан, ты слышал, что дикари рассказывают о Нэтоке? Они говорят... Митра, это такое безумие, что повторить нельзя! Что ты об этом думаешь?

— Бывает, что семена остаются в земле на протяжении столетий, и не гниют, — ответил Конан. — Но нет сомнений в том, что Нэток — человек.

— Я не уверен, — проворчал Амальрик. — Как бы то ни было, ты построил войско не хуже, чем опытный генерал. Наверняка дьяволы Нэтока не захватят нас врасплох. Митра, что за туман!

— Я сначала подумал, что это облака, — ответил Конан. — Смотри, как он катится.

То, что казалось облаками, было густым туманом, который двигался на север как огромный беспокойный океан, быстро скрывая из виду пустыню. Вскоре он поглотил стигийские руины и продолжал катиться вперед. Армия смотрела на него в изумлении. Это было нечто до сих пор не встречавшееся, неестественное и необъяснимое.

— Нет смысла посылать разведчиков, — с отвращением сказал Амальрик. — Они ничего не увидят. Его края сейчас рядом с внешними краями горных стен долины. Скоро весь проход и эти холмы будут скрыты...

Конан, который наблюдал за клубящимся туманом с растущей нервозностью, вдруг наклонился и приложил ухо к земле. Он вскочил на ноги с бешеной быстротой, с проклятием на губах.

— Лошади и боевые колесницы, их тысячи! Земля дрожит от копыт. Эй, вы там! — Его голос прогремел по долине и подбросил с мест отдыхающих людей.

— Берите мечи и пики, вы, псы! Станьте в ряды!

В этот момент, когда воины заняли свои позиции, торопливо надевая шлемы, вытаскивая оружие и выставив щиты, туман откатился прочь, как нечто, в чем больше не было нужды. Он не поднялся медленно и не растаял, как природный туман, он просто исчез, как задумое пламя. Только что вся пустыня была скрыта клубящимися перистыми валами, которые громоздились горами, слой над слоем, а мгновение спустя солнце сияло с безоблачного неба над голой пустыней. Пустыня больше не была пуста — она кипела пышной толпой, карнавальным шествием войны. Сильнейший вопль потряс холмы.

Изумленные наблюдатели смотрели вниз на сверкающее море бронзы и золота, где стальные острия мерцали как мириады звезд. Как только поднялся туман, наступающие застыли на месте, длинными сомкнутыми плечом к плечу рядами, блестя доспехами на солнце.

Первым был длинный ряд колесниц, которые везли бешеные огромные кони Стигии с плюмажами на головах — фыркающие и осадившие назад когда каждый нагой колесничий отклонился назад, согнув мощные ноги, и на его руках напряглись мускулы. Воины в колесницах были высокими, их ястребиные лица охвачены бронзовыми шлемами, на гребнях которых были полумесяцы, поддерживающие золотые шары. Это были не простые лучники, а аристократы Юга, возвращенные для войны и охоты, привычные сражать львов своими стрелами.

Вслед за ними двигался пестрый отряд дикарей на полудиких лошадях — воины Куша, первого из великих черных королевств травяных равнин к югу от Стигии. Они сияли черным деревом тел, гибкие и худые, скача верхом совершенно нагие и без седла и узды.

Позади этих шла орда, которая, казалось, заполонила собой всю пустыню. Тысячи и тысячи воинственных сынов Шема: ряды наездников в кольчужных латах и цилиндрических шлемах — «ассхури» Ниппра, Шумира, Эрука и их братских городов; дикие орды в белых одеяниях — кочевые кланы.

Теперь ряды начали смешиваться и клубиться водоворотами. Колесницы сбились на одну сторону, а основная часть войска нерешительно продолжала наступать. Внизу в долине рыцари сели на коней, и теперь граф Теспид галопом поднялся вверх по склону туда, где стоял Конан. Он не соизволил спешиться, а резко заговорил, оставаясь в седле.

— То, что туман поднялся, привело их в замешательство! Время нападать! У кушитов нет луков, и они прикрывают все наступление. Атака моих рыцарей сомнет их и бросит назад на ряды шемитов, нарушив их порядки. Следуйте за мной! Мы выиграем это сражение одним ударом!

Конан покачал головой.

— Если бы мы противостояли обычному врагу, я бы согласился с тобой. Но это замешательство в их рядах больше деланное, чем подлинное. Как будто они хотят вынудить нас напасть. Я боюсь ловушки.

— Значит, ты отказываешься наступать? — вскричал Теспид, лицо его потемнело от чувств.

— Будь рассудителен, — увещевал его Конан. — У нас преимущество позиции...

С яростным проклятием Теспид развернулся и помчался галопом вниз в долину, где нетерпеливо ждали его рыцари.

Амальрик покачал головой.

— Ты не должен был его отпускать, Конан. Я... смотри!

Конан распрямылся с проклятием. Теспид ворвался в толпу своих людей. Его нетерпеливый голос был едва слышен, но его жест по направлению к приближающейся орде был достаточно красноречив. Через мгновение пять сотен пик наклонились, и закованный в сталь отряд загромыхал вниз по долине.

Юный паж прибежал бегом со стороны шатра Ясмелы, крича Конану пронзительным встревоженным голосом:

— Мой лорд, принцесса спрашивает, почему вы не выступаете следом поддержать графа Теспида?

— Потому что я не такой законченный идиот как он, — проворчал Конан, снова усаживаясь на валун и принимаясь обгрызать мясо с огромной бычьей кости.

— Власть сделала тебя серьезнее, — заметил Амальрик. — Безумие вроде этого всегда доставляло тебе особенную радость.

— Ну да, когда я думал только о своей собственной жизни, — ответил Конан. — А теперь... что, во имя Ада...

Орда остановилась. От крайнего крыла отделилась колесница, устремилась вперед. Нагой возница нахлестывал коней, как безумец. В колеснице была высокая фигура, чье одеяние

призрачно развевалось на ветру. В руках она держала огромный золотой сосуд, из которого сыпалась тонкая струйка, искрящаяся в солнечном свете. Колесница прокатилась перед всем фронтом пустынной орды, и за ее грохочущими колесами оставалась как полоса пены за кормой корабля длинная тонкая линия пыли, которая блестела на песке, как фосфоресцирующий след змеи.

— Это Нэток! — с проклятием воскликнул Амальрик. — Какие адские семена он сеет?

Бросившиеся в атаку рыцари не умили опрометчивый бег. Еще пятьдесят шагов, и они врежутся в неровные ряды кушитов, которые стояли неподвижно с поднятыми копьями. И вот передние рыцари достигли тонкой линии, которая сверкала на песке. Они не остереглись этой ползучей угрозы. Но как только подкованные сталью копыта лошадей коснулись линии, это было так, как когда сталь ударяет о кремень — но с более ужасным результатом. Ужасный взрыв потряс пустыню, которая словно раскололась на части вдоль насыпанной линии, с чудовищной вспышкой белого огня.

Мгновенно вся передняя линия рыцарей была окутана этим огнем. Кони и закованные в броню всадники корчились в пламени, как насекомые на открытом огне. В следующий миг задние ряды набежали на их обугленные тела. Неспособные умерить свою опрометчивую скорость, всадники ряд за рядом падали в огонь. С ужасающей внезапностью атака превратилась в бойню, где бронированные рыцари умирали среди ржущих покалеченных лошадей.

Теперь иллюзия замешательства исчезла, и орда выстроилась в стройные порядки. Дикае кушиты бросились в бойню, добывая копьями раненых, сбивая шлемы с рыцарей камнями и железными молотками. Все кончилось так быстро, что наблюдатели на склонах стояли ошеломленные. И снова орда двинулась вперед, расколовшись, чтобы обойти обугленную кучу трупов. Воины на холмах вскричали: «Наши враги — не люди, а дьяволы!»

На горных гребнях жители холмов дрогнули. Один из них бросился на плато, с бороды его капала пена.

— Бегите, бегите! — захлебывался воплем он. — Кто может биться против магии Нэтока?

Рывкнув, Конан вскочил с валуна и ударил бегущего обгрызенной костью. Тот упал, кровь потекла из его носа и рта. Конан выхватил меч, глаза его превратились в щели, из которых полыхал синий огонь.

— Вернитесь на посты! — заорал он. — Если кто-то еще сделает хоть шаг назад, я снесу ему голову! Сражайтесь, будьте вы прокляты!

Паника прекратилась так же быстро, как началась. Ярость Конана словно ледяной водой погасила пламя их ужаса.

— Займите свои места, — быстро приказал он. — И оставайтесь там! Ни люди, ни дьяволы сегодня не пройдут по Пути Шамла!

В том месте, где ободок плато прерывался спуском в долину, наемники подтянули пояса и перехватили покрепче копьа. Позади них воины с пиками заняли места в седлах, а с одной стороны были размещены хорайские копыеносцы как резерв. Ясмеле, которая стояла, побелев и лишившись дара речи у входа в свой шатер, войско казалось жалкой горсткой в сравнении с огромной толпой пустынной орды.

Конан стоял среди копыеносцев. Он знал, что нападающие не станут пытаться вести колесницы вверх по долине в зубы лучников, но он удивленно заворчал, когда увидел, что всадники спешиваются. Эти дикари не имели обоза с припасами. Фляги и переметные сумки висели у них на седлах. Теперь они выпили последнюю воду и выбросили прочь фляги.

— Это объятия смерти, — пробормотал он, глядя как они образуют пешие ряды. — Лучше бы кавалерийская атака; раненые лошади падают и ломают порядки.

Орда выстроилась огромным клином, на конце которого были стигийцы, основную часть

составляли одетые в кольчуги «ассхури», а фланги занимали кочевники. Плотнo сомкнувшись, подняв щиты, они устремились вперед. Позади них высокая фигура в неподвижной колеснице воздела руки, с которых ниспадали рукава белого одеяния, в чудовищном заклинании-призыве.

Когда орда влилась в широкий вход долины, люди холмов выпустили стрелы. Несмотря на защитный строй, нападающие валились дюжинами. Стигийцы отбросили свои луки. Со склоненными головами в шлемах, блестя темными глазами над краями щитов, они двигались вперед неукротимой волной, перешагивая через упавших товарищей. Но шемиты отвечали стрелами на стрелы, и от туч стрел потемнело небо. Конан смотрел поверх вздымающихся волн копий и думал, какой новый ужас призовет колдун. Каким-то образом он чувствовал, что Нэток, как все ему подобные, был куда страшнее в защите, чем в нападении; атаковать его значило вызвать катастрофу.

Но несомненно это магия двигала орду вперед в зубы смерти. У Конан перехватило дыхание от опустошения, нанесенного стремящимся вперед рядам. Края клина постепенно таяли, и уже долина была покрыта мертвецами. Но живые шли вперед, как безумцы, словно не сознавая присутствия смерти. Одной только численностью своих луков они начали сметать лучников с утесов. Тучи стрел летели вперед, заставляя людей холмов прятаться. Паника вспыхнула в их сердцах при приближении этой неотвратимой силы, и они с безумным усердием работали своими луками. Глаза их блестели, как у попавших в ловушку волков.

Когда орда приблизилась к более узкому горлу Пути, вниз, гроыхая, полетели валуны, круша нападающих дюжинами, но атака не прекратилась. Волки Конана собрались с силами для неизбежного прямого столкновения. Плотнo сомкнув ряды, превосходящие противника броней, они мало пострадали от стрел. Конан боялся непосредственного удара, когда огромный клин вобьется в его тонкие цепи. И, как он теперь понимал, разбить этот напор невозможно. Он схватил за плечо стоящего рядом захейми.

— Есть какой-нибудь способ всадникам спуститься в боковую долину за этим западным горным гребнем?

— Есть, но путь крутой и опасный. Он хранится в тайне и всегда охраняется. Но...

Конан силой тащил его туда, где Амальрик восседал на своем огромном боевом коне.

— Амальрик! — рявкнул он. — Следуй за этим человеком! Он проведет вас во внешнюю долину. Проедьте по ней до конца, объедьте гребень и ударьте орду в тыл. Не отвечай, делай! Я знаю, что это безумие, но мы все равно обречены. Так нанесем же им вреда, сколько можем, прежде чем умрем! Торопись!

Усы Амальрика встопорщились в дикой ухмылке, и через несколько мгновений его воины с пиками следовали за проводником в путаницу ущелий, ведущих вниз с плато. Конан побежал обратно к вооруженным пиками солдатам, с мечом в руке.

Он успел вовремя. На каменных гребнях по обе стороны воины-дикари Шупраса, обезумевшие от предчувствия поражения, отчаянно пускали вниз дождь стрел. В долине и на склонах люди умирали как мухи. И с ревом, стремящейся вперед волной, которой невозможно противостоять, стигийцы навалились на наемников.

В урагане грохочущей стали линии смялись и закачались. Это были рожденные и вскормленные для войны аристократы против профессиональных солдат. Щиты разбивались о щиты, а между ними стремительно мелькали копья. И пролилась кровь.

Конан увидел могучую форму принца Кутамуна за морем мечей, но напор держал его прочно, грудь к груди с темными фигурами, которые хватали ртами воздух и рубили мечами. Позади стигийцев ассхури напирала волной и дико вопили.

По обе стороны кочевники взбирались на утесы и вступали в рукопашный бой со своими горными родственниками. По всей длине каменных гребней ярилась битва в слепой

задыхающейся жестокости. Зубы и ногти, пена безумия на губах от фанатизма и древней кровной вражды. Дикари разрывали врагов на куски, и убивали, и умирали. С развевающимися волосами нагие кушиты, завывая, бросились в драку.

Конану казалось, что его залитые потом глаза смотрят вниз на бушующий океан стали, который вздымался и опадал, заполняя долину от края до края. В битве установилось кровавое равновесие. Люди холмов держали горные гребни, а наемники, крепко перехватив пики, с которых капала кровь, упершись ногами в окровавленную землю, держали проход. Преимущественная позиция и броня на некоторое время уравнивали преимущество намного превосходящего количества нападающих. Но это не могло продолжаться долго. Волна за волной свирепых лиц и сверкающих копий устремлялась вверх по склону. Бреши в рядах стигийцев заполняли ассури.

Конан обернулся и увидел, что всадники Амальрика обходят западный гребень. Но они все не показывались, и пикейщики стали откатываться назад под ударами. Конан отказался от всякой надежды на победу и жизнь. Выкрикивая команды своим задыхающимся капитанам, он прорвался прочь и помчался через плато к резервам Хорайи, которые дрожали от нетерпения. Он не глянул в сторону шатра Ясмелы. Он совершенно забыл о принцессе, его единственной мыслью был инстинкт дикого зверя убивать как можно больше перед собственной смертью.

— Сегодня вы станете рыцарями! — бешено рассмеялся он, указывая мечом, с которого капала кровь, на принадлежащих дикарям лошадей, которые паслись рядом. — На коней, и следуйте за мной в Ад!

Кони дико пятились под непривычным лязгом косской брони, и взрыв смеха Конана вознесся над шумом битвы, когда он вел их туда, где восточный гребень ответвлялся и спускался с плато. Пять сотен пехотинцев — обедневшие патриции, младшие сыновья, черные овечки — теперь верхом на полудиких шемитских лошадях, атакующие армию, сверху вниз по склону, по которому еще никогда не осмеливалась двигаться кавалерия!

Они загремели мимо заблокированного сражением устья прохода, на заваленный трупами гребень. Они обрушились вниз по склону, и два десятка лошадей оступились и покатались под копыта своих братьев. Под ними люди кричали и барахтались, а грохочущая атака пронеслась по ним, как лавина сминает лес молодых деревьев. Воины Хорайи промчались сквозь столпившиеся ряды нападающих, оставляя за собой ковер из растоптанных мертвецов.

И затем, когда орда смялась и хлынула сама на себя, всадники Амальрика, прорвавшись сквозь кордон наездников, охраняющих внешнюю долину, пронеслись вокруг оконечности западного гребня и ударили армию клином со стальным наконечником, разбивая ее на куски. Их атака произвела на задние ряды ошеломляющее действие своей неожиданностью, лишая воинов неприятеля боевого духа. Считая, что на них напали превосходящие силы, и в страхе быть отрезанными от пустыни, толпы кочевников бросились врассыпную и обратились в паническое бегство, наводя беспорядок в рядах своих более стойких товарищей. Те пошатнулись, и наездники проскакали сквозь них. На гребнях дрогнули пустынные бойцы, и люди холмов набросились на них с возобновленной яростью, сметая их вниз по склонам.

Ошеломленная неожиданностью орда распалась на части прежде чем у них хватило времени увидеть, что на них напала всего горстка людей. Как только армия распалась, даже маг не смог бы собрать такую орду воедино. Через море голов и копий безумцы Конана увидели всадников Амальрика, которые настойчиво продвигались сквозь поток бегущих туда, где вздымались и падали топоры и ножи, и безумная радость победы вдохновила сердце каждого и сделала стальной его руку.

Твердо ступая в бурном море крови, чьи темно-красные волны плескались по щиколотку, пикейщики в устье прохода двинулись вперед и ударили в кипящие перед ними ряды. Стигийцы

выдержали, но за ними ряды ассури растаяли. И поверх аристократов юга, которые все до одного умирали, но не сходили с места, прокатились наемники, чтобы расколоть и смять волнуемую массу позади стигийцев.

Вверху на утесах старый Шупрас лежал со стрелой в сердце; Амальрик упал, ругаясь как пират, копьё пронзило его бедро, пробив кольчугу. От конной инфантерии Конана в седле осталось едва полторы сотни. Но орда была разбита на части. Кочевники и копейщики, одетые в кольчуги, ринулись прочь, бежали в лагерь, где ждали их лошади. Люди холмов ринулись вниз по склонам, били бегущих в спину, перерезали глотки раненым.

В клубящемся красном хаосе перед подавшимся назад конем Конана внезапно возникло ужасное видение. Это был принц Кутамун, обнаженный, если не считать набедренной повязки, ремни отброшены, шлем с гребнем помят, тело залито кровью. С жутким воплем он резко швырнул Конану в лицо рукоять своего меча с обломком лезвия и в прыжке схватил за узду коня Конана. Киммериец пошатнулся в седле, наполовину оглушенный. С ужасной силой темнокожий гигант принудил дико ржущего коня дергаться вперед — назад, пока тот не оступился. Конь рухнул на мерзость окровавленного песка и корчащихся тел.

Когда лошадь упала, Конан распрямылся и отскочил. С ревом Кутамун бросился на него. В этом безумном кошмаре битвы варвар никогда в точности не помнил, как он убил этого человека. Он только знал, что камень в руке стигийца снова и снова бил его по шлему, наполняя его зрение сверкающими искрами, а Конан тем временем всаживал и всаживал кинжал в тело противника, без видимого действия на потрясающую жизнеспособность принца. Мир перед глазами Конана плыл, когда с конвульсивной дрожью тело, которое боролось с ним, замерло и осталось неподвижным.

Конан развернулся. Кровь текла ручьями по его лицу из-под поврежденного шлема. Конан мутно посмотрел вокруг на разгар уничтожения, который простирался перед ним. От гребня до гребня лежали разбросанные убитые — красный ковер, покрывший долину. Это было как красное море, в котором каждая волна — разбросанная неровная линия трупов. Они забили устье прохода, они завалили склоны. А внизу в пустыне кровавая бойня продолжалась. Выжившие из орды добрались до своих лошадей и устремились прочь, преследуемые утомленными победителями. Конан ужаснулся, когда увидел, как немного их осталось, чтобы преследовать.

Затем чудовищный вопль вознесся над шумом. Вверх по долине неслась колесница, не обращая внимания на груды трупов. Ее влекли не лошади, но огромное черное создание, напоминающее верблюда. В колеснице стоял Нэток в развевающемся одеянии, а держа поводья и как безумец хлеща бичом скорчилось черное человекоподобное создание, которое могло быть чудовищной обезьяной.

С порывом обжигающего ветра колесница взлетела по замусоренному трупами склону, напрямик к шатру, где одиноко стояла Ясмела, покинутая своими стражами в горячке преследования. Конан, застывший на месте, услышал ее пронзительный вопль, когда длинная рука Нэтока толкнула ее в колесницу. Затем кошмарный скакун развернулся и помчался обратно вниз по долине, и ни один человек не посмел пустить стрелу или копьё, чтобы оно не попало в Ясмелу, которая извивалась в руках Нэтока.

С нечеловеческим криком Конан схватил свой упавший меч и прыгнул поперек пути летящему ужасу. Но когда его меч поднимался, передние ноги черной бестии ударили его как гром, и он отлетел кувыркаясь на пару десятков футов в сторону, оглушенный и поцарапанный. Визг Ясмелы отдавался призраком в его оглушенных ушах, когда колесница прогремела мимо.

Вопль, в котором не было ничего человеческого, сорвался с его губ, когда Конан поднялся с окровавленной земли и схватил поводья лошади без всадника, которая пробежала у него за

спиной. Он запрыгнул в седло, не останавливая лошадь. С безумной отреченностью он погнался за быстро удаляющейся колесницей. Он пролетел по склону и промчался, как смерч, через шемитский лагерь. Он устремился в пустыню, минуя отряды своих собственных всадников и изо всех сил погоняющих лошадей воинов пустыни.

Колесница мчалась вглубь пустыни, и следом мчался Конан, хотя лошадь под ним начала пошатываться. Теперь вокруг простиралась открытая пустыня, купающаяся в огненном великолепии солнечного света. Перед ними возникли древние руины, и с пронзительным визгом, от которого у Конана кровь застыла в жилах, нечеловеческий колесничий отбросил Нэтока и девушку. Они покатались по песку, и перед изумленным взором Конана колесница и тот, кто ее вез, чудовищно переменялись. Огромные крылья развернулись из черного ужаса, который теперь ничем не напоминал верблюда, и он взмыл в небо, унося за собой форму ослепляющего пламени, в которой черное человекоподобное существо что-то быстро и невнятно бормотало в дьявольской радости. Они промелькнули так быстро, что это было как жуткое видение из ночного кошмара.

Нэток вскочил на ноги, бросил быстрый взгляд на своего угрюмого преследователя, который не остановился, но быстро приближался, с обнаженным мечом, с которого срывались капли крови. Колдун схватил потерявшую сознание девушку и бросился в руины.

Конан соскочил с лошади и ринулся за ними. Он очутился в комнате, которое светилось нечистым сиянием, хотя снаружи быстро сгущались сумерки. На алтаре из черного нефрита лежала Ясмела. Ее нагое тело отсвечивало в сверхъестественном сиянии, как слоновая кость. Ее одежды были брошены на пол, как будто их срывали с нее в страшной спешке. Нэток встретил киммерийца лицом к лицу. Колдун был нечеловечески высокий и тощий, затянутый в мерцающий зеленый шелк. Он отбросил свою вуаль, и Конан глянул в лицо, которое видел отчеканенным на зугитской монете.

— Прочь, пес! Беги в страхе! — Его голос был подобен шипению гигантской змеи. — Я — Тугра Хотан! Долго я лежал в своей могиле и ждал дня пробуждения и освобождения. Искусство, что тысячи лет назад спасло меня от варваров, заточило меня там — но я знал, что настанет время, придет человек и найдет свою судьбу. И он пришел, и умер так, как никто не умирал за три тысячи лет!

Глупец, ты думаешь, что победил, потому что мое войско разбито? Потому что я был предан и покинут демоном, моим рабом? Я — Тугра Хотан, который будет править миром, презрев ваших ничтожных богов! Пустыня заполнена моими людьми; демоны земли будут исполнять мои повеления, и пресмыкающиеся послушны мне. Вождение к женщине ослабило мое колдовство. Теперь женщина моя, и, выпив ее душу, я стану непобедим! Прочь, глупец! Ты не победил Тугра Хотана!

Он бросил свой посох, и тот упал к ногам Конана. Конан отпрянул, и с губ его невольно сорвался крик, ибо посох, упав, чудовищно изменился. Его очертания плавилась и корчились, и вот кобра с капюшоном, шипя, развернулась перед потрясенным киммерийцем. С яростным проклятием Конан ударил, и его меч разрубил ужасную тварь пополам. У его ног остались лежать всего лишь два куска разрубленного посоха из черного дерева. Тугра Хотан жутко засмеялся и, повернувшись, схватил что-то, что отвратительно копошилось на пыльном полу.

В его протянутой руке корчилось и пускало слюну что-то живое. На этот раз никаких фокусов или теней. Тугра Хотан голой рукой держал черного скорпиона более фута длиной — самое смертоносное создание пустыни, удар шипастого хвоста которого означал мгновенную смерть. Лицо Тугра Хотана, подобное черепу, прорезала ухмылка мумии. Конан мгновение медлил в нерешительности. Затем без предупреждения бросил меч.

У застигнутого врасплох Тугра Хотана не было времени уклониться от удара. Острие меча

вонзилось в него под сердцем, прошло насквозь и вышло на фут из спины. Колдун упал, раздавив в кулаке ядовитую тварь.

Конан бросился к алтарю и поднял Ясмелу окровавленными руками. Она судорожно обхватила белыми руками его защищенную кольчугой шею, истерически всхлипывая, и не отпускала его.

— Кром и его дьяволы, девочка! — заворчал он. — Пусти меня! Сегодня было убито пятьдесят тысяч человек, и у меня еще много работы...

— Нет! — выдохнула она, прижимаясь к нему с необузданной силой, в этот миг от страха и страсти такая же варварка, как он. — Не позволю тебе уйти! Я принадлежу тебе, ты завоевал меня огнем, и сталью, и кровью! А ты

— мой! Там, среди людей, я принадлежу другим, а здесь — себе и тебе! Ты не уйдешь!

Мгновение он колебался. Его мысли металась в горячке бушующих страстей. Огненное неземное сияние продолжало озарять комнату, бросая призрачный свет на мертвое лицо Тугра Хотана, который, казалось, улыбается им в безрадостном оскале. Снаружи, в пустыне, на холмах, среди океана мертвецов, люди продолжали умирать, стонать от ран, жажды и безумия, и решалась судьба королевств. Затем все было смыто прочь темно-красной волной, которая восстала из глубин души Конана, когда он с дикой страстью сжал в железных руках гибкое белое тело, мерцающее перед его очами словно колдовской огонь безумия.